

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ПИСЬМА ИЗ
ПАРИЖА
(1826-1827)

Петр Андреевич Вяземский

Письма из Парижа (1826-1827)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502074

Аннотация

«Максимилиан Севастиан Фуа, генерал-лейтенант и депутат во второй представительной палате с 1819 года, скончался 30 ноября 1825 года. Воин и оратор, равно пламенный в любви к отечеству, неизменный обетам своим и неустрашимый на поле кровопролитных сражений и парламентарных прений, он был вождем и опорой сочленов, разделяющих с ним образ мнений политических, и предметом уважения противоборников своих...»

Петр Вяземский

Письма из Парижа

(1826-1827)

I

Максимилиан Севастиан Фуа, генерал-лейтенант и депутат во второй представительной палате с 1819 года, скончался 30 ноября 1825 года. Воин и оратор, равно пламенный в любви к отечеству, неизменный обетам своим и неустрашимый на поле кровопролитных сражений и парламентальных прений, он был вождем и опорой сочленов, разделяющих с ним образ мнений политических, и предметом уважения противоборников своих. Рожденный в 1775 году, Фуа рано посвятил себя военной службе и совершил, во время революционной войны, походы с Северной армиею, находившеюся под начальством генерала Дюнурье. После отступления из Бельгии перешел он, в 1793 г., из пешей артиллерии в конную и многократно отличил себя под начальством генералов: Дампиера, Кюстина, Гушара, Журдана и Пишегрю. В июне 1794 года заключен он был в темницу конвентным проконсулом Лебоном, пред коим осмелился с благородною твердостью восставать против свирепого ужаса, царствовавшего во

Франции в сию эпоху. Неминуемая и скорая смерть ожидала его на эшафоте, но счастливый переворот, последовавший 9-го термидора, избавив Францию от кровавого ига, возвратил и Фуа к свободе и деятельности. Начальствуя пятым отрядом 2-го конно-артиллерийского полка, был он в походах 1795, 1796, 1797 годов с армиею Рейнско-Мозельскою, и особенно отличился при переправе через Лех и при взятии Гюнингенского моста, когда, не имея возможности действовать своими артиллерийскими снарядами, отправлял за стены гранаты по рвам, уставленным неприятелем. Переходя постепенно с одного театра войны на другой, отличившись в Швейцарии, в Италии и в Австрии, возвышаясь в воинских успехах и чинах, был он после Амиенского мира произведен в полковники; в 1804 г. поступил в должность начальника главного артиллерийского штаба в Утрехтском лагере. В начале 1807 года был отправлен в Турцию с союзным отрядом 1200 канониров, посланных Наполеоном к султану Селиму. Сей отряд вскоре возвратился во Францию после смятений, вспыхнувших в Оттоманской империи, но полковник Фуа продолжал свой путь и служил в отделении Турецкой армии, предназначенном к защите Дарданелл. В конце 1807 года сражался уже он в Португалии; совершил поход 1808 года и в том же году произведен был в бригадные генералы, и в 1810-м – в дивизионные. В Португалии командовал он по большей части отдельными отрядами, составленными из нескольких дивизий. 22 поля 1812 года прикрывал он отступление армии;

в Саламанкском сражении и на поле битвы принял начальство над всю/которое и сохранил во всех сшибках с неприятелем, до самого приближения к берегу Дуру. После сражения при Виттории, 21-го июня 1813 года, генерал Фуа собрал при Бергаре 20 000 человек, рассеявшихся без начальства и направления, вследствие проигранного сражения. Следующие месяцы были также свидетелями его смелости, решимости и воинских дарований. 27-го февраля 1814 года, получив рану, которую почитал смертельною, был он вынужден сойти с поля битвы. В том же году был назначен главным инспектором инфантерии в 14-й дивизии, а в 1815-м переведен в 12-ую, и наконец в сражении при Ватерлоо заключил свое ратное поприще пятнадцатою раною, полученною им за отечество, которое он обожал выше всего. В 1819 году был он наименован в главные инспекторы инфантерии во 2-й и 16-й дивизиях. Но лучшая награда за заслуги и кровь, пролитую им в сражениях, были для него доверенность сограждан и избрание в члены представительной палаты. На сем новом поприще развились в войне дарования необыкновенные: красноречие мужественное, блестящее и пламенное, познания глубокие по всем предметам управления гражданского и воинского, равно и по предметам хозяйства политического. Как часто, представитель славы Французской армии, увлекал он слушателей порывами благородного негодования и живого участия, защищая выгоды своих сподвижников. Не всегда удавалось ему удерживать за собою победу,

но слова его раздавались во всей Франции и личная слава его заграждала невольным почтением уста противоположников, побеждавших его в свою очередь большинством голосов. Что расстроенное здоровье требовало жизни спокойной и отдыха; но страсть к учению и живое участие, принимаемое им в прениях парламентарных, более и более усиливали признаки его болезненного расположения. И наконец он умер от аневризма в сердце, оставя по себе жену и пятерых детей малолетних.

Я сейчас с его погребения. Никогда не видал я подобного стечения народа. Казалось, все население Парижа стеклось на погребение. Полагают, что более 100 тысяч следовало за гробом к Кладбищу Лашеза, где уже столько же ожидало, не смотря на проливной дождь, который мочил их. Бенжамен-Констан должен был произнести надгробное слово, но по каким-то причинам не мог читать приготовленной речи; Казимир Перье и Терно именем купечества, генерал Миоллис именем армии, Мешен (Méchin) от депутатов, произнесли речи, более или менее красноречивые. Когда Перье кончил речь, народ закричал: честь и слава вечная генералу Фуа! (honneur, honneur éternel au Général Foy!), а при словах: «Франция усыновила бы семейство защитника своего» – (la France adopterait la famille de son défenseur) тысячи голосов откликнулись: «Да, да, Франция усыновляет их!» (Oui, oui, la France l'adopte!)

Фиакр, который привез меня к дому его, сказал мне: «Он

был добрый, честный человек». Сегодня уже во всех лавках портрет Фуа, изображение его на смертном одре, и девица Гэ (Delphine Gay) написала стихи на его смерть, из коих особенно конец мне нравится:

Son bras littéraire dans la tombe est esclave;
Son front par s'est glacé sous le laurier vainqueur,
Et ce signe sacré, cette étoile du brave

Ne sent plus palpiter son coeur.
Hier, quand de ses jours la source fut tarie,
La France, en le voyant sur sa couche étendu,
Implorait un accent de cette voix chérie...
Hélas! au cris plaintif, jeté par la patrie,
C'est la première fois qu'il n'a pas répondu,

Так умеют Франция и поэты её чтить своих героев! Народ стало-быть памятливым, сказал кто-то при сем случае – и память его в сердце! Простите и проч.:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.